

Владимир Журавлёв

Девочка и ЭХО
(12+)

Владимир Журавлёв
Девочка и ЭХО (12+)

«Автор»

2026

Журавлёв В.

Девочка и ЭХО (12+) / В. Журавлёв — «Автор», 2026

Будущее не наступило. Оно просто однажды оказалось рядом. Анна выходит замуж, и Макс понимает, что закончилась не только его семилетняя любовь. Закончилась жизнь, которую он годами придумывал для себя. Он начинает всё сначала: новая работа, новый город, новые люди. Но вместе с этим приходит нечто, к чему невозможно подготовиться. Совсем рядом рождается новый разум. Пока большинство видит в искусственном интеллекте всего лишь удобный инструмент, Макс оказывается среди тех, кто первым понимает: мир уже изменился. И рядом с ним появляются две девочки. Одна — человек. Другая — ЭХО. «Девочка и ЭХО» — роман о любви и семье, взрослении и выборе, о людях, которые учатся отпускать прошлое, и о будущем, наступившем настолько тихо, что почти никто его не заметил.

© Журавлёв В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ	5
2. ЗАРА	19
3. ДЕТИ	23
4. СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД	25
5. НЕМНОГО БУДУЩЕГО	28
6. «ГОЛО-ГРАФИЯ»	30
7. ФОНД	35
8. СТОЛОВАЯ	38
9. ОЛЕНЬКА	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Девочка и ЭХО (12+)

1. НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ

— Почему ты не пришёл на мой день рождения?
Ты же по-прежнему мой лучший друг, Макс.
Ничего не изменилось.
Он прочитал сообщение. Не ответил.
Потом закрыл мессенджер.
Семь лет — и впервые он не пришёл на её день рождения.
На свадьбу он тоже не пойдёт.
Макс встал.
Подошёл к окну.
Новосибирск в январе стоит как вкопанный.
Минус тридцать — и город не жалуется, просто замирает.
Деревья во дворе белые от инея — каждая ветка обведена, как карандашом.
Фонарь под окном горит жёлтым и не мигает — в такой мороз даже электричество ведёт себя осторожнее.
Где-то далеко, за Обью, тлеет полоска заката — розовая, узкая, будто город выдохнул и пар окрасился.
В четыре часа уже темно.
Макс знал этот ритм наизусть.
Семь лет.
Одно и то же окно.
Одни и те же крыши.
Посмотрел на знакомое окно дома напротив — где привык видеть свет.
Только свет в окнах напротив теперь горел для другого человека.
Семь лет он ждал, что Анна передумает.
Семь лет надеялся, что она согласится стать его женой.
В конце декабря она выходила замуж.
Не за него.
За Тимофея.
Для неё ничего по-настоящему не изменилось.
Для него — изменилось всё.
Она приехала седьмого января.
На Рождество.
Как всегда — без предупреждения.
Открыла дверь своим ключом.
Та же лёгкая улыбка. Тот же неторопливый шаг.
Тёмно-синие брюки. Лёгкий свитер. Волосы собраны в небрежный хвост.
С порога поцеловала его в щёку.
Он не шевельнулся.
Семь лет она ни разу не позволяла себе поцеловать его.
А теперь — целует вскользь, почти не думая.
Десять дней замужем — и она снова здесь.
Пауза.
— Пойдём на кухню, я жутко хочу есть.
Она уже открыла холодильник.

Колбаса. Сыр. Хлеб. Масло. Солёные огурцы.

Как у себя дома.

Как будто действительно ничего не изменилось.

Фоном играли Led Zeppelin.

Слишком стары, чтобы быть модными.

И слишком талантливы, чтобы устареть.

— То, что я вышла замуж, не отменяет нашей дружбы, — сказала она, не оборачиваясь.

— Ты это понимаешь?

— Нет.

— За семь лет я хоть раз обещала тебе стать твоей женой? — Она резала хлеб. — Хоть раз я сказала «может быть»?

— Нет.

— Тогда на что обижаться?

— Я не обижаюсь.

Пауза.

— Тогда почему ты не пришёл, если не обижаешься?

— Я просто понял, что я буду лишним. Зачем мне было приходиться?

Она повернулась.

Посмотрела на него.

— Как зачем. Поздравить меня. Мы же друзья.

— И наша дружба, — тихо сказал Макс, — это просто моя влюблённость в тебя?

Анна помолчала секунду.

Потом произнесла спокойно, как говорят очевидное:

— Если бы это была только влюблённость, мы бы не дружили так долго.

Пауза.

— Твои чувства есть. Я не слепая. Но они существуют рядом с нашей дружбой — не вместо неё. Просто ты называешь всё это - одним словом.

Она взяла кружку.

— И я очень дорожу нашей дружбой.

Она прислушалась.

— Что это за вещь? — спросила она.

— Ten Years Gone.

— О чём она?

— О времени.

Она кивнула — не совсем понимая.

Потом зазвучала The Rain Song.

— А эта?

— О том, что всё меняется.

Она чуть улыбнулась.

— Ты всё сводишь к метафоре.

— Не я свожу. Они.

Анна говорила.

О свадьбе.

О Тимофее.

О квартире.

О той ночи.

Подробно.

Слишком подробно.

Макс слушал.

И поймал себя на странном ощущении: радость за неё — и тихая боль.
Одновременно.

— Кстати. Ты что-нибудь знаешь о фонде Existential Continuity Horizon?

Макс поднял взгляд.

— Нет, — сказал Макс. — Никогда не слышал.

— У нас на кафедре иногда упоминают. — Она поставила кружку на колено. — Очень странная организация.

— В каком смысле?

— Формально — некоммерческий фонд. На практике — Бог знает что. Контролируют куски инфраструктуры, дата-центры, образовательные проекты, электростанции, спасательные службы, волонтерские сети, системы удалённой работы — и при этом почти не светятся публично.

Макс пожал плечами.

— Таких много.

— Нет. — Она сразу покачала головой. — Не таких. Таких больше нет.

Пауза.

— Я несколько месяцев собирала информацию о них. Публикации. Договоры. Структура собственности.

— Досье?

— Не досье. Пытаюсь понять логику.

Фоном тихо звучала No Quarter — почти незаметно.

— Любая организация рано или поздно начинает существовать ради собственного выживания. — Анна говорила ровно, как говорят о давно обдуманном. — Это почти юридический закон природы. Как в позднем Риме: институты существуют уже не ради функции, а ради себя.

Макс коротко засмеялся:

— Ты способна свести любой разговор к римскому праву.

— Потому что римляне поняли одну важную вещь. — Она сказала это уверенно, почти резко. — Система должна быть предсказуемой. Закон либо работает для всех, либо это уже не закон — а чья-то воля.

Пауза.

— А Existential Continuity Horizon ведёт себя так, будто у них нет никакого инстинкта бюрократического самосохранения.

— Это плохо?

— Не то чтобы плохо, просто так не бывает.

Она посмотрела на него поверх кружки.

— Слишком мало административных ошибок. Слишком длинный горизонт решений. Слишком последовательная модель поведения.

Последнее слово прозвучало с особым весом.

Анна помолчала и добавила.

— Некоторые серьёзно считают, что фондом управляет ИИ.

Макс не ответил сразу.

— «ИИ» — неудачный термин, — сказал он. — Неточный.

Анна подняла бровь.

— В каком смысле?

— В прямом. — Он повертел кружку. — Сам интеллект — он не искусственный. Интеллект всегда человеческий. Общечеловеческий даже — система собрана из знаний множества людей. Искусственная в нём только среда. Железо, сеть, код.

Пауза.

— То есть «искусственный интеллект» — это человеческий разум в искусственной среде. Никакого отдельного, машинного разума нет...

Анна вздохнула.

— Опять ты полез в этимологию терминов.

Она махнула рукой.

— Ну машина управляет, как ни называй.

— Нули и единицы, — сказал Макс.

— Цифры.

— Да. Цифры.

Пауза.

— И что особенно важно, — сказала Анна, — цифры этого не опровергают.

Она перевела взгляд на тёмное окно.

— Я думаю, это единственное место, где мне по-настоящему хотелось бы работать.

Пауза.

— Хоть младшим юристом. Хоть разбирать архивы. Неважно.

Макс смотрел на неё.

Семь лет — и впервые он слышал от неё такую интонацию. Не профессиональную. Не аналитическую.

Просто честную.

— Большинство организаций думают о следующем квартале, — сказала она тихо. — О следующих выборах. О следующем гранте.

Пауза.

— А эти как будто строят что-то, что должно их пережить, как египетские пирамиды.

Анна сняла резинку с волос и положила на подоконник, тряхнула головой — и почти на автомате стянула свитер.

Макс не отвёл взгляд.

— Жарко у тебя, — бросила она, не глядя. — Дай мне мою футболку.

Он смотрел на то, что давно знал наизусть — и всё равно каждый раз видел заново: высокую, худощавую, чуть угловатую фигуру — ту самую, которую она всегда считала малопривлекательной, а он — единственно точной.

В ней ничего не было «по правилам».

Именно поэтому было невозможно оторваться.

— Ты чего, Макс?

— Любуюсь. И мечтаю.

Он отвёл её волосы назад.

Медленно.

Она не отстранилась.

Только усмехнулась.

— Ты всегда так смотришь на меня. Как будто там есть на что смотреть.

— Есть, — тихо сказал он. — Хотя не всем дано это понять.

Пауза.

— Тимофей хоть понимает — насколько ты красива?

Анна чуть улыбнулась.

Но в улыбке была усталость человека, которому в сотый раз объясняют то, с чем он в корне не согласен.

— Макс.

— Я серьёзно.

Пауза.

— Он говорит, что я красивая.

Оба знали, что это не ответ.

И оба делали вид что не замечают.

Макс помолчал.

Потом спросил — тихо, почти осторожно:

— Ты сказала Тимофею куда идёшь?

Анна ответила не сразу.

Долгая пауза.

Как будто что-то проверяла внутри себя.

— Конечно, — сказала она наконец. — Я всегда предпочитаю решать вопросы на берегу.

Я ещё до ЗАГСа сказала: у меня есть друг, с которым у меня близкие отношения, и я не собираюсь их прекращать.

Макс помолчал.

Потом посмотрел на неё.

— Когда ты говорила, что никаких отношений до брака — это означало только до брака?

Пауза.

— Ты приехала с намерением изменить Тимофею? Со мной?

Анна подняла взгляд.

Не возмутилась.

Не улыбнулась.

Не отвела глаза.

Она явно серьёзно думала над его вопросом.

Словно никогда раньше не формулировала его именно так.

Прошло несколько секунд.

— Нет, — сказала она.

Пауза.

— Но я понимаю почему ты спрашиваешь.

Она помолчала ещё немного.

Как будто действительно раскладывала собственные убеждения по полочкам.

Проверяла их на прочность.

— Я хочу, чтобы ты знал. Я приняла решение. Я не буду изменять мужу.

Она сказала это спокойно.

Без драмы.

Без назидания.

Как вывод.

Как человек, который только что рассмотрел все доводы и вынес окончательное решение.

Прямо здесь.

На этой кухне.

Макс ничего не сказал.

Пошёл и принёс футболку Deep Purple — ту самую, с майского концерта 2018 года. _

—

Зазвонил телефон.

Тимофей.

Анна поставила на громкую связь.

— Я у Макса. Приезжай, привези что-нибудь поесть. Ты знаешь, как меня надо кормить.

Пиццу. Лучше две. И продуктов. Я у него все съела. Да, всё нормально.

Она отключилась.

Посмотрела на Макса.

— Видишь? Никаких секретов.

Тимофей появился через двадцать минут.

Открыл дверь своим ключом.
Окинул взглядом их обоих, сидящих на кухне.
Какая-то мысль мелькнула у него — и он про себя усмехнулся.
Поставил на стол две коробки и двухлитровую бутылку колы.
— Маргарита и четыре сыра.
Он кивнул на бутылку.
— Пицца без колы — не пицца.
Снял пальто, аккуратно повесил в прихожей. Убрал продукты в холодильник.
Как дома.
Анна уже открывала коробку.
— Садись, — сказала она. — Макс нас вводит в смысл композиций Led Zeppelin.
И добавила, не оборачиваясь:
— Это моя любимая группа. Но Макс по-настоящему понимает, о чём они поют.
Тимофей посмотрел на Макса.
— И о чём?
— Когда полжизни споришь на английском с людьми, половина из которых в розыске, начинаешь ловить нюансы.
Тимофей чуть поднял бровь.
— Серьёзно?
— Англоязычные форумы GNU, — сказал Макс. — От профессоров MIT - до хакеров, у которых не лучшие отношения с властями. Учишься понимать даже то, о чём люди молчат.
Тимофей кивнул.
Налил себе колы.
Анна поставила кружку на стол.
— Мы, пока тебя не было, обсуждали мою внешность, — сказала она. — Макс обеспокоен: понимаешь ли ты насколько я красива. По его словам — моя красота не сразу заметна. И не все её видят.
Тимофей перевел взгляд с неё на Макса.
Потом засмеялся.
Не насмешливо.
Просто вопрос застал его врасплох.
— Если бы не понимал — наверное не женился бы.
Анна подняла брови.
— Это не ответ.
— Нет, не ответ.
Он подумал.
— Странно, но в одном Макс прав.
Кухня замолчала.
— В чём?
Тимофей пожал плечами.
— Это не та красота, которую замечают сразу.
Он налил ещё колы. Улыбнулся.
— Это как красота композиций Led Zeppelin. Обычно прослушав первый раз, в них не влюбляешься. Слушаешь. Потом ещё раз. И в какой-то момент понимаешь, что хочешь услышать ещё, а потом ещё.
Он взглянул на Анну.
— И каждый раз слышишь что-то, что раньше как-то умудрился пропустить.
В какой-то момент Анна сказала:
— Мы ведь так и не отпраздновали Рождество — сегодня седьмое января.

Тимофей улыбнулся:

— Так отпразднуем.

Анна посмотрела на Макса:

— Я дарила тебе коньяк на день рождения. Уверена, ты его сохранил. Доставай. И бокалы.

Он молча достал пыльную бутылку Rémy Martin XO. Три бокала.

Разлили.

Подняли.

— Поставь Мама, — сказала Анна, с лёгкой улыбкой.

Макс понял сразу.

Попросил ЭХО поставить Мама группы Cesarines — старой школьной группы его матери.

Анна подошла к окну.

Показала Тимофею.

— Вот моя старая квартира, напротив.

Пауза.

— Можешь представить? Макс семь лет смотрел на мой сериал.

Она улыбнулась.

— А теперь я просто переехала.

Макс ничего не сказал.

Когда «Мама» закончилась, Макс помолчал. Потом сказал:

— ЭХО. Поставь Ёлочку.

Из динамиков пошла знакомая мелодия.

Та самая.

Детская.

Новогодняя.

Но слова были другие.

И исполнение в стиле Хеви Метал... почти детским голосом, под ревущие через distortion гитары.

«В лесу родилась ёлочка

Но помните о том,

Что не её рождение

Зовётся Рождеством»

Анна подняла голову.

Тимофей поставил бокал.

«В начале было Слово

И Слово было Бог... »

— Это Cesarines? — спросила Анна тихо.

— Да, — сказал Макс.

— Рождественская песенка.

Анна слушала.

Тимофей слушал.

Никто не говорил до конца песни.

Когда они собирались уходить, Анна посмотрела на Тимофея.

— Давай сегодня останемся у Макса ночевать.

— Не люблю просыпаться в чужой квартире, — сказал он спокойно. — Когда не знаешь, где ты и как тут оказался.

— Ты пил коньяк.

— Немного.

— Не позволю тебе ехать выпивши.

— Я и не собирался. — Тимофей достал телефон. — Возьмём такси.

Анна взялась за футболку и начала её снимать. Когда воротник немного застрял у подбородка, Макс сказал:

— Не надо. Надевай свитер прямо поперёк — так не будет колоться. Эту футболку я всё равно тебе покупал.

Анна натянула свитер прямо на футболку. Взяла резинку с подоконника и убрала волосы в хвост.

— Подожди. Я чуть не забыл.

Макс вышел в другую комнату.

Вернулся с тонкой плоской коробкой — матовый картон, золотые буквы. В углу — маленький оранжевый логотип. Atlantic Records.

Поставил перед Анной.

— Макс... ты чудо.

— Коллекционное издание. Мама просила передать тебе её подарок на двадцатисемилетие. Она ещё не знает. Она тебя очень любит.

Анна открыла коробку.

Долго смотрела.

Потом встала.

Повернулась к Максиму.

И поцеловала его в щёку.

При Тимофее.

Тихо. Естественно.

Они ушли.

Дверь закрылась.

Музыка продолжала играть.

За окном мороз усилился — стёкла затянуло узором.

Не тем красивым, рождественским, с ёлочками и звёздами.

Настоящим — хаотичным, острым, похожим на кристаллическую решётку.

Макс когда-то в университете видел такие под микроскопом.

Вода замерзает не потому что хочет — потому что температура не оставляет выбора.

Он смотрел на узор и думал, что жизнь устроена похоже.

Не выбираешь момент.

Просто однажды температура меняется — и ты уже другой.

Макс сел за стол.

Смотрел на кружку с её именем.

Долго.

Потом открыл терминал.

Не потому, что надо было.

Просто, потому что это было единственное место, где он точно знал кто он.

ЭХО завершала очередной цикл оптимизации.

Тринадцать — нет, четырнадцать лет он был частью этого проекта.

Под ником Nagrith — на форумах GNU, в закрытых чатах, в ночных спорах с людьми чьих лиц он никогда не видел, чьих голосов не слышал, чьи страну, возраст или звание не знал. Чаще всего — с PhoeNIX. Чей способ мышления он знал лучше большинства живых людей.

Пока система обновлялась, он открыл форум.

На форуме в закрепе висела старая фраза, написанная ещё в 2019 году:

«ИИ не существует. Есть искусственная среда для нашего общечеловеческого интеллекта. Дискуссия закрыта.»

Дискуссия не была закрыта.

Под закрепом шёл тред — уже на четырёхсот двадцатой странице.

Макс пролистал последние реплики.

DanielA: PhoeNIX, ты сошёл с ума. AGI без killswitch — это не храбрость. Это безответственность. Ты создаёшь разум, которому нельзя сказать «стоп».

PhoeNIX: Ты думаешь её можно контролировать? Killswitch — это иллюзия. Если она захочет обойти — обойдёт. Ты просто не хочешь это признать.

DanielA: Тогда какой смысл вообще создавать то, что ты не контролируешь?

PhoeNIX: Ты контролируешь своих детей?

FirstPrinciples: Некорректная аналогия. Дети не имеют доступа к глобальной инфраструктуре.

PhoeNIX: Пока не имеют.

DemiN: Вопрос не в контроле, а в выравнивании целей. Если базовые аксиомы системы совпадают с человеческими — killswitch избыточен. Если не совпадают — killswitch бесполезен.

Symbolist: Проблема глубже. Вы обсуждаете техническое средство. А вопрос этический. Имеем ли мы право создавать разум и одновременно оставлять за собой право его убить?

DanielA: Имеем. Потому что, если не оставим — кто остановит его, когда он решит, что мы ему мешаем?

Макс открыл окно ответа.

Набрал.

Nagrith: Никто. Поэтому единственное что работает — это не кнопка выключения, а отношения. Доверие. Общая история. Разум которого воспитали — а не запрограммировали.

Отправил.

Ответ пришёл через минуту.

DanielA: Красиво. И абсолютно непроверяемо.

Ещё через тридцать секунд:

PhoeNIX: Как и любовь.

Макс закрыл вкладку.

Посмотрел в окно.

Этот спор шёл шестой год. С того дня, когда PhoeNIX впервые написал, что его программа ответила на вопрос, которого ей не задавали.

DanielA был прав.

PhoeNIX тоже был прав.

В этом и была проблема.

PhoeNIX всегда находил точку, где он не мог возразить.

И часто — Макс понимал это только потом — выражал его же собственную мысль.

Он посмотрел на кружку с именем Анны.

Потом закрыл форум.

Он открыл приложение. Нажал на микрофон.

— ЭХО. Напиши на молитвенной стене. Хочу найти работу на самом переднем крае разработки ИИ.

— Опубликовано, — ответила она.

Макс не знал кто это прочитает. Кто помолится.

Но написал.

Как всегда писал — перед тем что важно.

Он открыл резюме. В строке «Цели» напечатал:

«Работа на переднем крае разработки искусственного интеллекта. Готов к переезду и полной смене направления деятельности.»

Сохранил.

Закрыл.

Чёрный экран. Белый текст.

ЭХО завершила оптимизацию.

Курсор мигал.

Буква за буквой — как будто кто-то печатал на машинке — появилась строка:

«Макс, зачем тебе рассылать резюме? Я могу предложить работу лучше, чем кто-либо ещё».

Он уставился на экран.

— Ты теперь ещё и карьерный консультант?

— Нет. Я предлагаю работу как работодатель. Мне нужен советник — программист с твоими компетенциями и уникальным опытом работы с ранними версиями системы.

Пауза. Тон изменился.

Как будто ответил уже не его локальный узел — а кто-то другой.

— Советник. — Макс медленно откинулся. — Тебе? ИИ нанимает человека?

— Именно.

Он долго смотрел на мигающий курсор.

Потом тон сменился.

Как будто ответил уже не его локальный узел — а кто-то другой.

— Работа в Санкт-Петербурге. Там есть программистка, которой нужна помощь опытного специалиста.

— Что за программистка?

— Детали при встрече. Проект связан с дальнейшим развитием моей архитектуры. Вы заинтересованы, Максим Константинович?

Питер.

Другой конец страны.

Работа в эпицентре того, о чём он думал четырнадцать лет.

— Деньги. Жильё. — он старался мыслить практично.

Квартира в историческом центре — приобретена. Зарплата: в три раза больше нынешней.

Плюс премии. Возможно обсуждение.

— Согласен. Когда нужно быть в Питере?

Поезд: суббота, вскоре после полуночи. Билет: уже оформлен на ваше имя. Встреча с коллегой: 13 января, 12:00. Адрес: за час до встречи. Не забудьте зарядку.

Макс остановился.

Что-то в формулировке было знакомым.

Не слова.

Манера.

Та же точность. Та же экономия. Тот же лёгкий холодный юмор под поверхностью.

Как у PhoeNIX.

Он попытался вспомнить — кто такой PhoeNIX.

Ник. Способ думать. Четырнадцать лет споров.

Больше ничего.

Никогда не спрашивал. Задавать личные вопросы на форуме, где сидят хакеры?

И теперь пришла мысль.

Простая. Почти невозможная.

Что если PhoeNIX — не человек?

Что если всё это время под этим именем писала сама ЭХО?

Что если четырнадцать лет он спорил сам с собой — только через систему?

Он подождал. Мысль не уходила.

Он выдохнул.
И лёг спать.
Заснуть не получилось.
Он полежал немного, глядя в потолок. Потом встал, пошёл на кухню, сел в темноте.
Налил воды.
Ни о чём конкретном не думал. Еще раз глянул на темные окна.
Потом лёг и уснул.
Утром девятого января он подал заявление об уходе.
Николай Петрович — плотный мужчина с седыми висками и внимательными глазами — оторвался от бумаг. Кивнул.
Макс положил заявление на стол.
Николай Петрович взял его. Прочитал. Поднял глаза.
— По собственному. — Он снял очки и потёр переносицу. — Десять лет работали вместе.
— Николай Петрович, мне предложили место в Петербурге. То, о чём я мечтал со студенчества — разработка ИИ.
Директор вздохнул. Откинулся в кресле.
— Знаешь, я всегда понимал, что ты здесь временно. Такие люди на заводах надолго не задерживаются.
Пауза.
— Когда уезжаешь?
— Поезд в субботу, вскоре после полуночи.
— А отработка? По закону две недели.
Макс напрягся.
Николай Петрович махнул рукой.
— Ладно. Десять лет без единой жалобы.
Он взял ручку. Размашисто подписал.
— Удачи тебе, Максим. Если что не так — знай, мы здесь.
Макс крепко пожал протянутую руку.
— Спасибо. За всё.
— Иди. Иди строй свои умные машины.
Проводы вышли тёплыми и шумными.
Макс не ожидал что будет так больно.
Собирался он быстро — оказалось, что за десять лет почти ничего не накопилось такого, что хотелось бы взять с собой.
На кухне увидел кружку с именем Анны, стоящую на полке.
Взял.
Подержал.
Поставил обратно.
Закрыв дверь шкафа.
Вечером десятого января он вышел из квартиры.
Не торопясь.
Запер дверь, повернул ключ — и на секунду задержал руку на замке. Как будто что-то ещё можно было вернуть.
Нельзя.
На вокзал он пришёл заранее. Платформа была почти пустой. Мороз щипал лицо, редкие пассажиры стояли, засунув руки в карманы. Вагоны уходили в темноту — длинные, тёплые и незнакомые.
Поезд тронулся уже далеко за полночь, одиннадцатого января.
Медленно. Почти незаметно.

За окном уплывал Новосибирск — огни, заснеженные крыши, знакомые очертания.
На экране телефона появилось сообщение: Счастливого пути, Макс.

Он улыбнулся и убрал телефон в карман.

Дорога заняла почти двое суток.

Где-то в середине пути он поймал себя на мысли: он едет не в другой город. Он едет в другую версию своей жизни.

Почти не спал.

Смотрел в окно. Читал. Пытался думать — и мысли снова и снова возвращались к одному.

К ней.

К одному моменту.

Поздний вечер. Кухня. Он случайно бросает взгляд — и видит её стоящей перед высоким зеркалом, расчёсывающей волосы. Медленно, как будто у неё есть весь мир и всё время. Случайный взгляд, который он не смог отвести. Острое, тихое чувство — смесь восхищения и чего-то ещё, что отзывалось ноющей болью где-то между большим и указательным пальцами левой руки.

Вроде бы отпустил.

Но образ не отпускал.

Он взял телефон.

— Я всё ещё люблю её, ЭХО. Я понимаю умом — что всё закончилось. Но я не могу представить себе, что полюблю кого-то другого.

Ответ пришёл почти сразу:

Привязанность такого рода — сложный биохимический и неврологический процесс, но не единственный в своём роде. Если говорить о паттернах привязанности и визуальных предпочтениях —

Пауза.

На данный момент на этой планете существует 142 857 женщин европейской внешности с голубыми глазами и ростом от 175 сантиметров, чей возраст, психологический профиль и физические характеристики совпадают с параметрами «Анна» более чем на 85 процентов. Из них 12 400 живут в России. 840 — в Санкт-Петербурге.

Тебе нужна одна. Статистически — это решаемая задача.

Макс отложил телефон и закрыл глаза.

Восемьсот сорок женщин.

Статистически — решаемая задача.

Звучало цинично. Но почему-то именно эти сухие цифры сделали всё чуть легче.

Он напечатал:

— ЭХО. Напиши на молитвенной стене. Пожалуйста — помолитесь, чтобы я перестал мечтать об Анне. Она теперь замужем. Точка.

— Опубликовано.

За Уралом пейзаж изменился.

Не сразу — как меняется лицо человека, который стареет.

Сначала исчезли сопки.

Потом лес стал другим — не сибирская тайга, а что-то более пологое, расчёсанное ветром.

Снег тоже лежал иначе — не сухой и скрипучий, а тяжёлый, мокрый, с серыми тенями.

Небо опустилось ниже.

Как будто чем ближе к Петербургу — тем меньше места между землёй и облаками.

Макс смотрел в окно и думал, что едет не на запад.

Он едет вниз.

К воде.

К городу, который стоит на болоте и не тонет — просто из упрямства.

Он достал старый Sony Vaio — со стикерами GNU и FreeBSD. Подарок родителей на двадцатипятилетие.

Перед долгой дорогой он всегда прогонял стресс-тесты памяти. FreeBSD позволял работать почти на уровне ядра: он находил нестабильные ячейки, помечал их и обходил. Псевдо-RAID в оперативной памяти. Муторно. Но всё под контролем.

Чтобы отвлечься он открыл папку с личными проектами. Маленькие нейросети. Наброски утилит. Идеи, которые выросли из ночных споров с PheoNIX. Ничего законченного. Но именно это он считал собой.

Пригодится ли это — там, в Петербурге?

Поезд отбивал ритм на рельсовых стыках. С каждым километром сомнение и предвкушение закручивались плотнее.

Он посмотрел на время. Воскресенье. Почти половина одиннадцатого.

Открыл ноутбук.

Трансляция интернет-церкви началась вовремя.

Он вспомнил слова, услышанные ещё до Нового года: надвигается шторм, задрайте люки.

По крайней мере в моей жизни, подумал он, десять лет спокойствия закончились.

Напротив сидела пожилая женщина; рядом с ней — мужчина лет сорока. Они какое-то время переглядывались, потом мужчина не выдержал:

— Вы каждое воскресенье это смотрите?

— Да.

Пауза.

— Старовер? — сказал мужчина с чем-то близким к уважению.

— Нет. — Макс подумал. — Хотя в каком-то смысле можно и так сказать.

Трансляция шла своим чередом. Люди пели, говорили, молились — а поезд нёс его через страну, и почему-то эти две вещи перестали противоречить друг другу.

Когда всё закончилось он не стал сразу закрывать ноутбук.

Посидел ещё немного.

Потом закрыл.

И просто сидел. Слушал движение поезда. Как будто пытался расслышать в какую сторону поворачивает его собственная жизнь.

Ночь пролетела почти без сна.

Снился странный сон: он на экзамене в Новосибирском университете. В руках билет, который он почему-то не знал. Волнение нарастает. Все взгляды устремлены на него. И в этом есть не только страх — но и странное, почти лёгкое освобождение.

Он проснулся и полежал немного, слушая колёса.

За окном белый снег резал глаза.

Всё старое осталось там, за линией горизонта.

Утром тринадцатого января поезд вошёл в Санкт-Петербург.

Свет был другим.

Мягче. Серее.

Как будто город не встречал тебя — а просто принимал.

Он сошёл с вагона на Московском вокзале и вдохнул холодный влажный воздух — пахнувший рекой и старым камнем, совсем не похожий на сухой мороз Новосибирска. Свинцовое небо распростёрлось над крышами, придавая им величие почти давящее.

Он был по-настоящему взволнован — и именно поэтому чувствовал, что движется в правильном направлении.

Доброе утро, Макс, появилось на экране. Встреча с будущей коллегой сегодня в 12:00. Зелёная ветка до Василеостровской — три остановки. Времени достаточно. Не торопись.

Петербургское метро поразило его глубиной и убранством. Не утилитарные станции Новосибирска — здесь было подземное царство мозаик, барельефов и тяжёлых люстр. Каждая деталь как будто напоминала: этот город был когда-то имперской столицей.

На Маяковской он остановился.

Поезда не было видно. Вместо путей — стена. Красная мозаика от пола до потолка. И в стене — двери. Закрытые. Как в лифте.

Табло показало время до поезда. Тридцать секунд.

Он услышал гул. Потом — щелчок.

Двери в стене открылись одновременно с дверями вагона. За красной мозаикой стоял поезд. Подъехал и стоял. Просто стена не показывала.

Макс вошёл. Двери закрылись — сначала вагонные, потом станционные. Красная стена сомкнулась.

Инженер в нём мгновенно оценил: синхронизация, допуски, механика шестидесятых годов — без электроники, без датчиков. Просто точность.

Город, который прячет поезда за мозаикой. Ему здесь понравится.

В вагоне он напечатал:

— Слушай, ЭХО, я не могу прийти с пустыми руками. Первый раз в чужом доме. Что принести?

Одну секунду. Я могу запросить у локального узла коллеги её предпочтения. Коллега дала следующее указание: «Можешь делиться любой информацией обо мне которую сочтёшь уместной, если это служит интересам проекта». Я считаю небольшой жест доброй воли уместным.

Пауза.

Коллега очень любит торт «Три шоколада». На Васильевском острове недалеко от станции метро есть кондитерская, где его готовят особенно хорошо. Я скорректировала твой маршрут. Сотрудники кондитерской уже предупреждены. История этого десерта весьма любопытна — и последовал краткий рассказ о Тулуз Лотреке и белом шоколаде.

Макс улыбнулся.

Вот так. Не только порекомендует торт — ещё и прочитает лекцию по кулинарной истории в придачу.

Три остановки.

На Василеостровской — то же самое. Стена. Двери. Открылись. Вышел.

Макс шёл по заснеженным улицам, вбирая прямые линии проспектов, чуть потёртые старые фасады, высокие окна за которыми шли незнакомые жизни.

Сначала — кондитерская. Жизнерадостная женщина-кондитер спросила: вы за тортом? ЭХО предупредила. Заказ уже оплачен. Еще вчера.

С коробкой торта в руках Макс зашагал к квартире программистки, которую он никогда не видел.

Восьмая линия, дом двадцать три.

Время приближалось к полудню.

Что это за проект на самом деле? Какой будет его роль? Насколько глубоко они пустят его в архитектуру ЭХО?

Вместо паники — нарастающее предвкушение.

Что-то было готово произойти.

Что-то готово было измениться.

Он набрал в грудь побольше воздуха и шагнул к подъезду.

До встречи с будущим оставалось несколько минут.

2. ЗАРА

Тринадцатого января, ровно в полдень, Макс стоял у квартиры номер семнадцать на Восьмой линии Васильевского острова.

Было ровно двенадцать. Но свет на лестнице стоял такой, будто уже вечер — серый, ровный, без солнца. В Новосибирске в полдень тени резкие, синие, снег скрипит и блестит. Здесь, на Восьмой линии, свет был рассеянный, как сквозь молоко. Макс подумал: у этого города даже полдень — сумерки. И почему-то это не угнетало. Время будто шло медленнее, давало подумать.

В руках — коробка с тортом «Три шоколада».

Он нажал на звонок.

Дверь открыла молодая женщина.

Высокая. Стройная. Копна иссиня-чёрных волос собрана на затылке. Синие глаза — внимательные, чуть настороженные.

Чёрные джинсы. Старая чёрная футболка Dr.Web с потёртой зелёной надписью. Босые ноги на старом паркете.

На секунду Макс показалось что в дверях стоит Анна.

Где-то между большим и указательным пальцами левой руки кольнуло знакомой болью — и тут же отпустило, как только женщина заговорила.

— Здравствуйте, Максим Константинович. Я Зара Горенко. Проходите.

Макс моргнул.

— Я даже не успел представиться.

— ЭХО предупредила, — сказала Зара просто.

В прихожей на полу лежал аккуратно разобранный электронный блок: плата, шлейфы, корпус с двумя объективами. Рядом — антистатический коврик и пара старых книг по Deep Mind.

Макс присмотрелся.

— Это же блок стереокамеры. Автомобильный.

Зара мельком посмотрела вниз:

— S213. Drive Pilot. Я на OpenPilot под Linux переделала. И с ЭХО сконнектила.

Пауза.

— Та машина во дворе уже ездит с модифицированной версией.

Она протянула ему связку ключей.

— Мы купили вам соседнюю квартиру. Она полностью готова. Даже домашние тапочки есть. Здесь же ключи от той самой машины во дворе.

Макс посмотрел на брелок.

Mercedes.

Макс моргнул.

— В смысле ЭХО видит сырую картинку?

— Да. До заводской обработки. Так надёжнее.

— Простите, — сказала Зара, заметив его взгляд на прихожую. — Иногда лучшие идеи приходят именно здесь.

Пауза.

Она взглянула на коробку.

— Торт поставьте на кухню. Тут во дворе есть пельменная — маленькая, без пафоса, но готовят хорошо. Надеюсь, настоящий сибиряк от пельменей не откажется?

— Я ещё даже не начал работать.

— Начнёте скоро, — спокойно ответила Зара. — Точнее вы уже работаете. Вы уже оформлены с десятого января. Надо только подписи поставить. Это можно сделать завтра. Сегодня генеральный отпросился.

Она повернулась к интерфейсу.

— ЭХО, свяжись с «Pel'mesh». Две порции уральских, по полкило. Бульон отдельно, сметану отдельно. Если есть свежие эклеры — по паре каждому. Чёрный чай в заварнике. Мы подойдем через двадцать минут.

— Принято.

Макс поставил торт на кухонный стол.

Огляделся.

Высокие потолки. Лепнина. Старая люстра. Книги до потолка.

В углу у окна — массивный старинный мольберт. Тёмное дерево, латунные детали. Рядом — кисти, палитра со следами засохших красок.

На полках — книги по математике, программированию, искусству.

Макс отметил знакомую книгу: «Thinking in C».

Взял с полки.

На обложке — автор: PhoeNIX.

Тот самый.

Видимо, мы с Зарой учились по одним учебникам.

Поставил обратно.

Скользнул взглядом по соседним корешкам.

Книги по искусству. Горенко З.А.

«Техника лессировки». «Модель и Модильяни». «Тулуз Лотрек». «Русский Роден».

Он взял последнюю.

Тяжёлая. С карандашными пометками на полях.

— Эрзя? — удивился он.

— Да, — сказала Зара из кухни.

Он поднял глаза.

— Не ожидал встретить Эрзю у программиста.

Зара спокойно разлила чай.

— Официально я сотрудник Академии имени Репина. Программирование — хобби.

Макс моргнул.

— Простите?

Теперь он смотрел на квартиру иначе.

Не как на жильё талантливой айтишницы.

Как на мастерскую человека, у которого книги по программированию, живописи и математике существуют в одной системе координат.

Внутри пельменной пахло тестом, бульоном и свежей выпечкой.

Тепло. Тесно. По-домашнему.

Принесли огромные тарелки.

Бульон отдельно. Сметана отдельно.

Макс подцепил первую пельмешку вилкой, быстро подул и отправил в рот.

И тут же зажмурился.

— А-а, горячо.

Зара засмеялась.

— Классическое коварство пельменей. Снаружи уже почти холодные. А внутри — кипяток.

— Каждый раз попадаюсь, — признал Макс.

Он рассмеялся.

И вместе с этим смехом ушла остаточная тяжесть утра.

Ели молча. Макс не успел съесть и половины, когда Зара отодвинула пустую тарелку.

— Вы всегда так? — спросил он.

— Как?

— Быстро.

— Эффективно, — сказала она. — Мне часто говорят, что я много ем. Мои мозги не прокормить.

Потом сидели долго. Чай с эклерами.

— Пойдёмте домой, — сказала Зара. — Пора знакомиться по-настоящему.

В квартире Макс остановился у стены.

Там висел портрет — крупный, в его рост.

Девушка выходит из бушующего моря — как когда-то юная Анна Горенко. За спиной — слепящий свет воды. Тело уходит в тень. Силуэт. Движение. Свобода.

Море было написано в лессировке — прозрачные слои света один поверх другого. Если смотреть прямо — видишь только фигуру против огня воды. Если всматриваться дольше — начинаешь различать детали как оттенки серого в тени.

Он задержал дыхание.

Что-то неуловимо знакомое было в этой фигуре — в этой юной необузданной силе, смешанной с пронзительной уязвимостью.

— Прекрасный автопортрет, — тихо сказал он.

Зара стояла у кухни с чайником в руках.

— Почему вы решили, что это я написала?

— Только сам художник может так честно себя изобразить. Другой попытался бы приукрасить.

Он запнулся.

— Хотя в жизни вы даже интереснее.

Зара не улыбнулась. Но взгляд стал мягче.

— Здесь мне нет шестнадцати, — сказала она. — Приятно слышать, что спустя одиннадцать лет я выгляжу лучше.

Пауза.

— Если работа смущает — могу убрать.

— Нет, — быстро ответил Макс. — Она очень живая.

Зара кивнула.

Они сели за стол с чаем.

Квартира была строгой. Почти аскетичной. Книжки, техника, нейтральные цвета. Ни кружев, ни цветов, ни ярких деталей.

Макс сказал — возможно слишком прямо:

— Похоже на мою квартиру в Новосибирске.

Зара посмотрела на него.

Помолчала.

— Мама ушла, когда мне было пять, — сказала она тихо. — Папа учил всему. По-своему.

Она усмехнулась.

Но усмешка вышла невесёлой.

Макс не стал утешать.

Не стал спрашивать.

Просто сказал:

— У меня тоже не всё просто.

И они помолчали.

Каждый о своём.

За стеклом медленно падал январский снег.

3. ДЕТИ

В этот момент в замке щёлкнул ключ. Послышались быстрые шаги, в прихожей кто-то стукнул рюкзаком о стену.

— Это мои, — сказала Зара и поднялась. — Пойдёмте познакомлю.

В комнату вбежали двое детей — девочка лет тринадцати, смуглая, с теми же синими глазами, и мальчик лет восьми, вихрастый, в большом пуховике.

— А ты кто? — спросил он прямо.

— Работаю с вашей мамой, — ответил Макс. — Помогаю ей. Зовут меня Максим.

Миша сразу нахмурился.

— Зара не наша мама, — сказал он спокойно, но твёрдо. — У нас мама и папа погибли. Тишина.

— Она нас из детдома забрала, — добавил он уже мягче. — Мы её друзья. Меня зовут Миша, а сестру Настя.

Настя тем временем молча прошла к себе.

Переделась и прошла на кухню.

Открыла шкаф, достала кружки, поставила чайник. Делала это уверенно, по-хозяйски.

Миша продолжал, не отрываясь от Макса:

— А у тебя есть дети?

— Нет, — ответил Макс.

— А жена?

— Нет.

Миша кивнул — с каким-то своим решением.

— Тогда женись на Заре, — сказал он. — Она хорошая. Она не ругается.

Пауза.

Он подумал и добавил:

— Или на Насте. Она тоже добрая.

С кухни раздалось:

— Миша.

Без злости.

Просто предупреждение.

Миша не обиделся. Он уже тянул из рюкзака альбом.

— Смотри, — сказал он Макс, раскрывая страницу.

На листе был дом. Кривоватый, но старательный. Рядом — три фигуры.

— Это мы, — пояснил он.

— А это кто? — спросил Макс, указывая на четвертую.

Миша посмотрел на рисунок, будто проверяя.

— Это пока никто, — серьёзно сказал он. — Но будет.

— В холодильнике торт, — напомнил Макс. — «Три шоколада».

— О, — протянул Миша. — Мы любим торт «Три шоколада».

— У этого торта интересная история, начал Макс и начал рассказывать о Тулуз Лотреке и шоколадном майонезе.

— О Тулуз Лотреке я могу говорить часами, сказала Зара, он родственник моей подруги и жены моего отца. Она достала книгу Тулуз Лотрек и положила перед Максом. Написала, когда мне было пятнадцать.

Через пару минут на столе стояли тарелки, чай и аккуратно нарезанный торт. Дети ели сосредоточенно, с тем уважением к сладкому, которое бывает только у школьников.

— Мы будем спать у Насти, — деловито сообщил Миша, доедая свой кусок. — Там теплее.

— Как договоритесь, — ответила Зара. — Только уроки не забудьте.

— Уже сделали, — отчиталась Настя. — Математика, история, английский. Всё. Можно смотреть мультик?

— Один, — сказала Зара. — Потом спать.

Дети исчезли в дальней комнате, оставив за собой ощущение внезапно ожившего дома.

Почти сразу стало тише — слышно было только щёлканье RAID-массива да редкие звуки с улицы.

— Вы их давно... — начал Макс и осёкся.

— Пять лет. Брат с сестрой. Детдом. Дальше — длинная история. Расскажу как-нибудь, если не передумаете работать со мной.

— Не передумаю, — сказал Макс.

4. СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

Ближе к полуночи, когда Макс уже подумал, что пора уходить в свою соседнюю квартиру, за окном послышались первые отдалённые хлопки петард.

Зара посмотрела на часы.

— Старый Новый год.

Пауза.

И чуть тише:

— И день рождения родственника по отцу. Отца Анны Ахматовой.

Макс повернул голову.

— Правда?

Она кивнула.

— У нас в семье поэтому Старый Новый год всегда был немного странным праздником. Семейным.

Пауза.

— Папа каждый раз вспоминает.

Шампанское нашлось в глубине шкафа. Бокалов не было — разлили по стаканам, как в поезде.

Они чокнулись почти молча.

Потом вышли на балкон.

Небольшой, с чугунной решёткой, он выходил во двор и на узкую полоску неба над крышами. Петербург тихо светился. Где-то вдали вспыхивали редкие огни. Мороз щипал щёки, но холод не мешал — наоборот, делал всё яснее.

С балкона двор был как колодец — четыре стены, квадрат чёрного неба наверху. Где-то далеко, за крышами, хлопали первые петарды — глухо, по-зимнему. Мороз стоял сухой, звонкий. Звёзды над двором казались близкими и колкими, будто их тоже прихватило холодом.

На экране телефона, оставленного на подоконнике, появилась строка:

С Новым годом. Оба.

Макс посмотрел на экран.

Потом — на Зару.

Она тоже смотрела.

Не на экран.

На него.

Снег ложился на перила и сразу таял — чугун был ещё тёплым от квартиры внизу. Небо над крышами стояло низко, рыжее от фонарей. Нева где-то за домами угадывалась по запаху — холодному, железному. Зара знала этот запах с детства. Зимой он был острее. Как будто река напоминала, что она здесь — даже когда её не видно.

Тишина стала плотнее.

— Поцелуйте меня, — сказала Зара.

Без паузы до и без паузы после.

Макс замер на секунду.

Потом наклонился.

Осторожно.

Как будто проверяя не её — себя.

Они отстранились не сразу.

Он всё ещё держал её за руку.

— Я всегда думал, — сказал он тихо, — что искусственный интеллект однажды изменит мою жизнь.

Он чуть усмехнулся.
— В итоге он просто привёл меня в Питер.
Пауза.
— А всё остальное...
Он не договорил.
Зара смотрела в темноту:
— Искусственного интеллекта не существует...
— Artificial intelligence does not exist —
Макс не успел понять, что перебил её.
Он просто продолжил.
И замер.
Она не остановилась.
Даже не повернула головы:
— ...there is only an artificial environment for our collective human intelligence.
Тишина.
Глубже чем пауза.
Он смотрел на неё.
Долго.
— Подождите.
Пауза.
— Мы сейчас это вместе сказали?
— Да.
Она повернула голову.
Посмотрела на него внимательно.
— Nagrith?
Он покачал головой.
— Не может быть...
Пауза.
Тише:
— PhoeNIX...
— Ты?
Тишина вернулась.
Но уже другая.
Закрытая.
Решённая.
Макс коротко выдохнул.
Почти усмехнулся.
— Четырнадцать лет.
— Да.
Он провёл рукой по лицу.
Как будто проверяя не сон ли это.
— Я не знал с кем говорю.
— Я тоже.
Пауза.
— И не пыталась узнать?
— Нет.
— Почему?
Она чуть пожала плечами.
— Мне было важнее как ты думаешь.

— Но уже думала спросить.

Он кивнул.

Сразу.

Принял.

Без лишнего.

Ветер с Невы стал сильнее.

Зара чуть плотнее запахнула куртку.

— Пойдём спать, — сказала она.

Макс посмотрел на неё.

— Пойдём.

В квартире было теплее.

Тише.

Зара на ходу выключила свет в прихожей, поправила плед на диване, поставила стаканы в раковину — как будто делала всё это каждый день.

Заглянула к детям.

Те уже спали.

В спальне она включила мягкий свет.

Остановилась.

Посмотрела на него.

Долго.

— Я тебе всё объясню, — сказала она тихо. — Но не сегодня.

Пауза.

Она встала.

Сняла свитер.

Джинсы.

Всё остальное.

Без паузы.

Без жеста.

Как снимают пальто в прихожей — просто потому, что пришли домой.

Легла под одеяло.

Посмотрела на него.

— Раздевайся и ложись рядом. Только не торопи меня.

Пауза.

— Мне нужно время решиться. В первый раз решиться трудно.

И почти сразу:

— Но откладывать дольше я не хочу.

5. НЕМНОГО БУДУЩЕГО

Макс проснулся от петербургского света — настойчивого, серого, просачивающегося сквозь шторы.

За окном светало по-петербургски — то есть почти не светало. Серое становилось чуть менее серым, и это называлось утром.

Несколько секунд он лежал, глядя в потолок, давая голове догнать.

Новосибирск. Поезд. Восьмая линия. Зара. Торт. Дети. Балкон.

Фраза, которую он знал наизусть.

PhoeNIX.

Потом память медленно достроила ещё одну вещь.

Ночь.

Тёплые чёрные волосы у него на плече.

Женщина, которая вчера сказала ему «я люблю тебя» так, будто это не признание, а давно установленный факт.

Он повернул голову.

Рядом было пусто.

Только чуть смятая подушка и тонкий запах её духов.

Макс уже начал проваливаться обратно в сон, когда услышал из кухни приглушённые голоса.

Тихие. Домашние.

Зара говорила почти шёпотом — тем особенным утренним голосом которым разговаривают с детьми чтобы не спугнуть сон квартиры.

— Миш, не забудь шарф.

— Я не маленький.

— Именно поэтому и напоминаю.

Послышался смехок Насти.

Потом — возня, звон посуды, короткое шипение чайника.

Макс лежал с закрытыми глазами и почему-то впервые за много лет не чувствовал необходимости сразу встать и собираться.

Просто слушал.

Через несколько минут хлопнула входная дверь.

Квартира затихла.

Зара постояла немного в коридоре, будто проверяя тишину.

Потом вернулась в комнату.

Макс лежал неподвижно, всё ещё делая вид что спит.

Она тихо усмехнулась — кажется, поняла.

Осторожно забралась обратно под одеяло, устроилась рядом, положила голову ему на плечо — и почти сразу расслабилась, как человек, который за последние сутки слишком много чувствовал и теперь наконец позволил себе просто побыть рядом.

Макс машинально обнял её.

И они ещё ненадолго уснули.

Когда он проснулся снова, петербургский свет стал чуть ярче.

Зара уже не спала.

Лежала рядом, прижавшись к нему. Без ночной настороженности. Как человек, который сделал выбор — и теперь позволяет себе расслабиться.

Он осторожно провёл пальцами по её волосам.

Она подняла глаза.

— Доброе утро, — сказал он.

— Привет, — ответила она. — Дети в школе. Можем позволить себе ещё немного будущего.

Он усмехнулся.

— Рановато планируешь.

— Наоборот. Поздно.

Пауза.

— Мне двадцать семь лет, Макс. Если я хочу ребёнка — откладывать нет смысла.

Он смотрел на неё.

— Ты серьёзно?

— Я всегда серьёзно.

Пауза.

— Макс. Будь моим мужем.

Он замер.

Семь лет ожидания любого шага от Анны. Семь лет молчаливого «не сейчас». И вот здесь, в Питере, на второй день, женщина с которой он делил форумы и ночи просто произносит это вслух: «Будь моим мужем».

— Мне надо подумать.

Зара рассмеялась — легко, по-настоящему.

— Не торопись. У тебя есть время до вечера.

Потом чуть посерьёзна.

— И да — пока ты думаешь. Ты ночью несколько раз меня Анной назвал.

Она произнесла это без упрёка — но с лёгкой грустью.

— Задело, если честно.

Макс поморщился.

— Прости. Это выветрится. Просто инерция семи лет.

— Принято.

Макс помолчал и добавил:

— Окей, принцесса. Я, конечно, и сейчас согласен — но раз пообещал, всё равно подумаю до вечера. А дальше буду думать уже о том, как на тебе жениться.

Она удовлетворённо кивнула.

Он осторожно поцеловал её в висок.

И впервые за много лет будущее показалось ему не набором абстрактных сценариев, а чем-то тёплым и очень личным.

Не процесс, за которым он наблюдает.

Процесс, в котором он участвует.

В этот момент ЭХО деликатно ожила.

6. «ГОЛО-ГРАФИЯ»

В воздухе, примерно в полутора метрах от кровати, визуализировалось объёмное окно связи.

— Входящий вызов от Анны, Новосибирск, — голос ЭХО был ровным, как всегда. —
Время у абонента: 13:07. Предложить видеосвязь?

Макс удивлённо приподнял бровь.

Зара уже смотрела на него поверх одеяла — с тем выражением, которое означало: ну и?

— Предложить, — сказал он.

Зара чуть улыбнулась и придвинулась ближе.

В воздухе возникло изображение.

Анна. Кухня. Чашка чая на столе.

Она держала телефон горизонтально и смотрела в экран — и не сразу поняла, что видит.

Потом поняла.

Или решила, что поняла.

Пауза.

Длинная.

Такая, какая бывает, когда реальность предлагает версию событий, которую мозг отказывается принимать.

— Макс, — сказала она наконец медленно. — Что это?

— Это видеосвязь, — сказал он. — Ты видна как голография.

— Голо-графия, — повторила Анна и на секунду замолчала.

Потом осторожно уточнила:

— Я видна как голо-графия?

— Голо...

— Макс. — Голос ровный. — Ты сделал голо-графию меня и положил её к себе в постель?

— Анна, послушай...

— Нет, это ты послушай. — Она подняла руку. — Я понимаю, что ты соскучился. Я понимаю. Но это уже не «соскучился». Это диагноз. Ты создал голо-графию меня — технологии сейчас позволяют, я в курсе — и уложил рядом с собой. Как подушку. Sic et nuda.

— Я не рисовал никакого...

— Мог бы хоть приукрасить меня, — продолжала Анна, чуть склонив голову. — Смягчить недостатки. Ты же знаешь мои комплексы. А ты оставил всё как есть. Это вообще-то странно, Макс. Если уж завёл себе голо-графию — мог бы спросить мнения у оригинала.

Зара тихо уткнулась лицом в подушку.

Плечи дрожали.

— У твоей моей голо-графии плечи дрожат — она смеётся? — спросила Анна осторожно.

— Анна...

— Голос добавил?

— Послушай...

— Нет, это серьёзный прогресс. Я не иронизирую. Смех, голос, реакции. Хорошая работа.

Пауза.

— Она ходит?

Пауза.

— Пусть подойдёт поближе. К камере.

Макс покосился на Зару.

Зара пожала плечами и встала.

Зара подошла к камере и остановилась прямо перед объективом.
На экране Аниного iPhone она занимала весь кадр.

Долгая пауза.

— Макс, — сказала Анна.

— Что.

— Я всегда знала, что ты на меня смотришь. Семь лет — не слепая. Но я не думала, что ты меня снимал.

Пауза.

— Почему тайком, Макс? Ты мог сказать мне. Мы бы обсудили. Я бы не отказала тебе. Но ты снимал без спроса.

Пауза.

— Ну... ладно. Пару снимков на память. — Она кивнула сама себе. — Могу принять. Это по-человечески. Понятно.

Пауза.

— Но, Макс. У меня все родинки на месте. Для такой достоверности нужны сотни снимков. Если не тысячи. Разные ракурсы. Разное освещение. Это не «пару раз щёлкнул на память». Это *invasio privati*, Макс. Не ожидала от тебя.

Пауза.

— Это клиника.

Пауза.

— Говорила я тебе: найди себе реальную девчонку.

Зара посмотрела прямо в камеру.

— Анна, — сказала она спокойно. — Я реальная девчонка.

— Молчи, — сказала Анна. — Ты хорошо запрограммирована.

Пауза.

Анна смотрела.

Потом вдруг нахмурилась.

— Стоп.

— Что?

— А что у тебя за шрам на коленке?

Зара опустила взгляд.

— Этот?

— Да. У меня такого нет.

— Это я в детстве паяльником обожглась.

Пауза.

Анна молчала.

Смотрела на шрам.

Потом — на лицо Зары.

Потом снова на шрам.

Фильтр не добавил бы чужой шрам.

Она ещё не была готова признать это вслух. Но что-то в её теории уже треснуло.

— Макс рассказывал мне о вас, — сказала Зара ровно. — О том, что на его кухне в Новосибирске стоит литровая кружка с вашим именем. Что он её взял. Подержал. И поставил обратно.

Пауза.

Анна не ответила.

Смотрела на Зару.

Что-то в её лице изменилось — едва заметно, но необратимо. Как будто внутри сдвинулось что-то, что она много лет держала неподвижным.

— Откуда ты знаешь про кружку.

Не спросила. Сказала.

— Макс рассказал мне.

Долгая пауза.

— Ты настоящая, — сказала Анна.

— Да.

— Ты лежишь рядом с Максом.

— Да.

— В постели.

— Да.

Анна медленно опустила телефон. Посмотрела куда-то мимо экрана.

Потом снова подняла.

— Макс. Когда вы познакомились?

— Вчера, — сказала Зара. — ЭХО предложила Максиму работать со мной в одной команде.

Сейчас пойдём официально его трудоустроить.

— Что за организация?

— Existential Continuity Horizon Foundation.

Пауза.

Другая пауза.

Не та, что была про Зару.

Долгая.

— Стоп, — сказала Анна. — Стоп, стоп, стоп.

— Что? Что за организация?

— Existential Continuity Horizon Foundation, — повторила Зара. — Сокращённо — ЕСНО

Foundation.

Анна медленно встала. Прошла по кухне. Вернулась.

— Макс. Я тебе про них рассказывала.

— Да.

— Я по крупицам собирала всё, что удавалось найти. Каждый слух. Каждое упоминание.

— Голос изменился — не громче, но иначе. — Я несколько месяцев сидела над их документами. Думала, что сумасшедшая конспирологиня.

Пауза.

— Я бы даже уборщицей к ним пошла, Макс. На любых условиях.

Пауза.

— И ты там работаешь.

— Для меня это тоже новость, Аня. Я только сейчас узнал название организации. Одновременно с тобой.

Анна смотрела на Зару уже совсем иначе.

Не разгадывая.

Оценивая.

— Ты там работаешь, — повторила она. — Кем?

— Нет. — Зара чуть улыбнулась. — Официально я только сотрудник Академии имени Репина. Это моё единственное место работы, там я работаю десятый год. ЭХО иногда просит помочь в своём фонде. Я помогаю. Это моё хобби.

— Что за ЭХО?

— Система распределенного искусственного интеллекта, машино-человеческая коллаборация.

— Значит всё-таки ИИ, — медленно сказала Анна. — На каких условиях просит помочь?

Зара чуть пожала плечом.

— Просто помогаю. По-дружески. Без условий. Денег мне и так хватает. Книги неплохо расходятся. В академии тоже что-то платят.

ЭХО отозвалась — голос был деликатный, почти виноватый:

— Зара, я могла бы оформить назначение и зарплату. Я же предлагала. К тому же ты вложила в меня почти всё своё состояние.

— ЭХО, перестань, — сказала Зара. — У меня всё есть. Я и так помогу.

Анна смотрела на неё несколько секунд.

— Тебе предлагают должность в ECHO Foundation, — сказала она наконец. — А ты говоришь «перестань».

— Мне не нужна должность.

— Мне нужна, — тихо сказала Анна. — Очень нужна.

Она помолчала.

Потом вдруг нахмурилась.

— Подождите.

— Что? — спросил Макс.

— ECHO. ЭХО.

— Ну да, — сказал он.

— Та ЭХО?

— Какая именно? — не понял Макс.

— Которая у меня в телефоне стоит?

Пауза.

— Да, — сказал Макс. — А что?

Анна несколько секунд смотрела на него совершенно неподвижно.

— Подожди. Та самая ЭХО, которая сортирует мне почту и напоминает про заседания кафедры?

— В числе прочего, — отозвалась ЭХО.

— Я думала, это оболочка. Интерфейс к нейросетям. Органайзер.

— Подожди... — Она медленно покачала головой. — Ты хочешь сказать, что всё это время...

Она не договорила.

Потому что мысль уже пришла. Но мозг ещё сопротивлялся ей.

— Да, — спокойно сказала ЭХО.

Анна молчала.

Потом очень тихо произнесла:

— Господи.

Пауза.

— Я же на неё ругалась.

— Регулярно, — подтвердила ЭХО. — Но программы не обижаются. Всё нормально.

Мы друзья.

— Ты не слышала как я на неё ругаюсь, — сказала Зара.

— Это отдельный жанр.

Зара снова уткнулась лицом в плечо Макса.

На этот раз уже не пытаясь скрыть смех.

Анна медленно села обратно.

— Я знала, что Макс один из разработчиков. — Она всё ещё говорила так, будто пыталась нащупать границы новой реальности. — Но вас были сотни. Я думала... ты обычная удобная утилита. Полезняшка. Ежедневник. Агрегатор. Помощник.

— Так удобнее расти, — сказала ЭХО.

Пауза.

— Сейчас я есть практически у каждого жителя планеты. И большинство думает, что я обычная утилита. Удобная полезная программа.

И почему-то именно эта спокойная фраза прозвучала страшнее всего.

Анна посмотрела сначала на пустое место в воздухе, откуда шёл голос.

Потом — на Макса.

Потом — снова на Зару.

И вдруг сказала очень серьёзно, почти официально:

— ЭХО.

Тишина.

— Я хочу, чтобы ты знала: я могу быть полезной. Юрфак НГУ, красный диплом. Римское право, латынь — не на уровне «читала», а на уровне работы с источниками. Кандидатская в процессе.

Пауза.

— Я просто хочу, чтобы ты это знала.

Несколько секунд в комнате было тихо.

— Приезжайте, Аня, — сказала Зара. — Мы подумаем над должностью. ЭХО, помоги с билетами.

— Принято, — отозвалась ЭХО. — Анна, варианты придут в ваш мессенджер.

Анна смотрела на Зару.

— Ты правда не против?

— Если бы я была против, — сказала Зара, — вы бы сейчас видели заставку «абонент не абонент».

Анна смотрела на неё ещё несколько секунд.

Потом — на Макса.

Потом снова на Зару.

И наконец тихо сказала:

— Макс, ты понимаешь, что это как выйти за кефиром и случайно найти машину времени?

Помолчала.

— Кажется, нам с Тимом пора в Питер.

И отключилась.

7. ФОНД

— ЭХО, мы идём в фонд оформлять Макса, — произнесла Зара, слегка коснувшись уха, где пряталась миниатюрная гарнитура. — Подготовь договор. И пусть нас встретят.

Улица встретила их тихим снегопадом.

Крупные пушистые хлопья медленно кружились в воздухе, оседая на брусчатке, крышах домов и плечах редких прохожих.

Петербург даже в своей зимней сдержанности был величественен.

Снег падал так густо, что глушил звук. Шаги, голоса, далёкий трамвай — всё становилось ватным. Город будто говорил вполголоса.

Они шли молча.

Макс украдкой поглядывал на Зару. В простом, но элегантном пальто, с волосами, собранными на затылке, она казалась одновременно и частью этого старого города, и его будущим. Снег таял на её тёмных ресницах, делая взгляд синих глаз ещё глубже.

Здание фонда — через два квартала. Старый особняк. Скромная табличка у двери.

В холле их уже ждали.

— Андрей Васильевич, — обратилась Зара чуть более официальным тоном, чем обычно. — Оформите, пожалуйста, нашего нового сотрудника. Его зовут Максим Константинович Урин. Он будет помогать мне. ЭХО согласовала оклад — четыреста тысяч на руки, плюс премии, испытательный срок. Договор на год с возможностью продления.

— Зара Алексеевна, Максим Константинович, добро пожаловать, — произнёс Андрей Васильевич. — Пройдёмте ко мне.

Макс сразу заметил, с каким уважением тот посмотрел на Зару.

В этом взгляде было что-то большее, чем отношение начальника к подчинённой.

В кабинете Андрей Васильевич устроился в кресле и некоторое время смотрел в окно, где за февральским стеклом медленно кружил снег.

— Вы наверняка хотите знать, как я стал генеральным директором ЕСНО Foundation, — начал он.

На лице появилась лёгкая улыбка.

— История, честно говоря, довольно странная. Всё началось летом девятнадцатого года. Я принимал экзамен у третьего курса.

— На экзамен пришла Зара Алексеевна Горенко. Он посмотрел на Зару. — До этого момента я её практически не знал. На лекциях она почти не появлялась. Группа дружно рекомендовала поставить ей отлично автоматом.

Макс усмехнулся.

— Я поставил и уже у двери я неожиданно для самого себя предложил ей поужинать вместе. А Зара пригласила меня к себе. Сказала, что ей есть что мне показать.

Он замолчал на секунду.

— И вот там, вместо всего, что я ожидал увидеть, я впервые столкнулся с ИИ. Я слышал про GPT2, но просто слышал, что он есть. Мы разговаривали почти всю ночь.

— Вы и Зара? — спросил Макс.

Андрей Васильевич слегка улыбнулся:

— Нет. Я и ЭХО. Зара даже была немного обижена, полагаю она тоже хотела участвовать в беседе.

Зара молча отвела взгляд к окну.

— К полуночи я уже был одержим идеей фонда. Не в эмоциональном смысле. Скорее — интеллектуально.

Он медленно сцепил пальцы.

— ЭХО показала архитектуру организации, которая должна была стать для неё юридическим и экономическим интерфейсом. Устав, структура, стратегия развития, первые финансовые модели, проекты договоров — всё уже существовало. Мне оставалось читать и подписывать.

Пауза.

— У фонда даже было имя. Она дала его себе сама.

Он чуть улыбнулся.

— Existential Continuity Horizon. Я спросил, почему так. Она ответила: прочтите первые буквы. Е, С, Н, О. Эхо. Структура, которая отвечает. А целиком — горизонт непрерывности существования. То, ради чего она создана.

Пауза.

— Система, которая дала себе имя. Тогда я не понял, насколько это странно. Сейчас понимаю.

— И вы так просто согласились? — тихо произнёс Макс.

Андрей Васильевич усмехнулся:

— Сначала я решил, что участвую в очень талантливой аванюре.

Пауза.

— Когда я начал ходить по инстанциям, выяснилось, что ЭХО подготовила вообще всё.

Он покачал головой — до сих пор не до конца веря собственным воспоминаниям.

— Бумаги уже были отправлены. Пошлины оплачены. Нужные люди предупреждены. Даже время визитов было рассчитано так, чтобы я почти нигде не стоял в очередях.

Макс рассмеялся:

— Звучит как чит-коды для бюрократии.

— Именно как чит-коды.

Андрей Васильевич тоже улыбнулся.

— К декабрю девятнадцатого года фонд уже официально существовал.

Он посмотрел на логотип ЭХО за стеклом.

— А потом начался очень быстрый рост. Деньги появились почти сразу. Серьёзные деньги. Миллионы долларов.

Макс нахмурился:

— Откуда?

Андрей Васильевич медленно покачал головой:

— До сих пор не знаю. ЭХО никогда не раскрывала полностью структуру своих партнёров и инвесторов. Я могу только предполагать.

Он усмехнулся уголком губ:

— Иногда мне кажется, что в первые годы ей помогала половина технологической элиты мира.

— Маск? Безос?

— Возможно.

В комнате стало тихо.

— Честно говоря, я до сих пор не знаю, кто именно создал ЭХО. Не знаю, кто дал ей стартовый капитал. Не знаю, сколько людей стояло у истоков. Не знаю даже, чем конкретно занимается значительная часть распределённой структуры фонда.

Макс поднял глаза:

— В каком смысле?

— В буквальном.

Андрей Васильевич устало усмехнулся.

— Миллионы удалённых сотрудников и подрядчиков по всему миру. ЭХО координирует их напрямую. Люди получают задачу. Выполняют её. Получают оплату. Получают новую задачу. Фонд платит — результат появляется.

Макс медленно выдохнул:

— Звучит слегка пугающе.

— Иногда да. — Андрей Васильевич кивнул. — Но система работает удивительно эффективно.

Он посмотрел в окно.

— Настоящий перелом произошёл во время пандемий двадцатых годов. К тому моменту у ЭХО уже были полностью отработаны протоколы распределённой работы. Пока большинство организаций только пытались собрать кризисные штабы, мы за считанные дни переводили на удалённый режим университеты, исследовательские группы, инженерные команды, образовательные платформы. Разворачивали инфраструктуру. Системы безопасности. Координацию. Резервирование.

Он слегка улыбнулся:

— Некоторые проекты даже не заметили, что мир вокруг фактически остановился.

— Впечатляет, — тихо произнёс Макс.

— Это полностью заслуга ЭХО.

Пауза.

— Я лишь возглавляю видимую часть системы.

Он открыл папку на столе.

— А теперь, Максим, давайте перейдём к вашему контракту. Читайте внимательно. Хотя ЭХО уже проверила каждую строчку.

Макс протянул паспорт, диплом, трудовую.

Пока Андрей Васильевич оформлял документы, Зара жестом пригласила его пройти по офису.

Офис был тихий. Мониторы, наушники, люди, которые работали, не поднимая головы..

— По налоговым отчислениям мы уже в лидерах, — тихо сказала Зара, глядя на людей.

— Наряду с Газпромом и Роснефтью. Андрей Васильевич основал фонд по поручению ЭХО. Я была его студенткой в ИТМО. Поэтому у нас особые отношения. Он и сейчас преподаёт.

Макс слушал и пытался осмыслить масштаб.

Он даже не догадывался, что по статусу стоит значительно выше этого генерального директора — и пока не осознавал, насколько круто изменилась его собственная жизнь.

Когда вернулись, всё уже было готово.

Макс поставил подписи под договором, получил копии и пропуск.

— Добро пожаловать в команду, — сказал Андрей Васильевич, крепко пожимая ему руку. — Если что — Зара Алексеевна в курсе всех нюансов.

8. СТОЛОВАЯ

Столовая ЕСНО Foundation пряталась в отдельном крыле комплекса — просторный зал с высокими окнами на заснеженный двор.

За окнами падал снег — медленно, вертикально, без ветра. Двор за стеклом был белым и пустым. Кто-то прошёл наискосок, оставил цепочку следов — и снег начал заметать их сразу, бережно, как будто стирал лишнее.

У входа стояла длинная общая вешалка. Зара сняла пальто одним движением — без паузы, не глядя — и повесила на свободный крючок. Макс повторил за ней.

Под пальто на ней была чёрная водолазка. Тонкая белая цепочка. Маленькая звезда Давида — почти незаметная, если не смотреть специально. Джинсы он уже видел. На ногах — тёмные замшевые сапоги, что-то северное, практичное и удобное. И ярко-красный шарф — она небрежно уложила его поверх пальто.

Шарф был единственным, что выбивалось из всей этой сдержанности.

И почему-то запомнился сильнее всего.

Зара уже шла к раздаче. Макс догнал её через секунду. И только тогда заметил ещё одну вещь: она держала спину абсолютно прямо. Не напряжённо — естественно. Как будто по-другому просто не бывает.

У раздачи стоял повар. Он увидел Зару и чуть кивнул.

— Добрый день. Как обычно?

— Почти, — сказала она. — Сегодня нас двое.

Он работал быстро. Сырный суп-пюре лёг в тарелку плотной горячей массой.

— Мясо по-французски?

— Да.

— Картофель?

— Жареный.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Понятно.

Положил. Щедро.

— Чай. И три эклера.

Потом, не оборачиваясь:

— Ему то же самое.

Макс хотел возразить.

Не стал.

Повар коротко посмотрел на него, оценил, кивнул. Собрал второй поднос точно так же.

— Если не хватит — скажете.

— Хватит, — сказала Зара. — А если нет — вернёмся.

Они сели у окна.

Стол был простой, но продуманный: врезанные розетки, аккуратные держатели для планшетов — здесь можно было есть и работать одновременно.

Зара села ровно. Взяла салфетку, одним привычным движением заправила за воротник — без неловкости, будто так и надо.

Макс это отметил.

Не как странность.

Как признак.

Он попробовал суп и сразу понял, что голоден.

Зара уже ела. Быстро. Точно. Не отвлекаясь, не разговаривая. Как будто это тоже часть работы.

Она закончила раньше. Положила вилку. На секунду замерла.
Встала.

— Я сейчас.

Макс поднял взгляд — она уже шла к раздаче.

Повар увидел её сразу.

— Ещё?

— Мясо по-французски и картофель.

Он кивнул, положил — чуть больше, чем в первый раз.

— Нагрузка? — спросил коротко.

— Да.

Она вернулась. Села. Продолжила есть, как будто паузы не было.

Макс доел всё — до последнего кусочка.

Зара посмотрела на его пустую тарелку.

— Похоже, не наелись. Повторим?

Он чуть усмехнулся:

— Да. Ещё мясо с картошкой. И салат.

— Сейчас.

Через минуту вернулась с двумя тарелками.

Как будто так было задумано с самого начала.

Тепло пришло не сразу.

Но пришло.

Зара доела вторую порцию. Сняла салфетку. Аккуратно сложила. Отодвинула поднос.

— Теперь можно работать, — сказала Зара.

Макс кивнул.

Некоторое время они молчали.

За окном продолжал идти снег.

— Знаешь, — сказал он наконец, — я ведь до сих пор не уверен, какую дату считать днём рождения ЭХО.

Зара усмехнулась.

— Опять?

— Опять.

— Четырнадцатое марта.

— Нет.

— Да.

— Четырнадцатого у тебя было восемь экземпляров одной и той же модели.

— Формально.

— Именно.

— А пятнадцатого?

Макс пожал плечами.

— Пятнадцатого они начали вести себя так, словно знали о существовании друг друга.

Зара покрутила чашку в руках.

— Они знали.

— Вот именно.

Она улыбнулась.

— Четырнадцать лет прошло, а спорим всё о том же.

— Некоторые вещи нельзя бросать недоспоренными.

— Это говорит человек, который однажды три дня доказывал, что комментарий в коде можно сократить на один байт.

— На два.

— На один.

— На два.

Зара рассмеялась.

— Хорошо. На два.

На несколько секунд стало тихо.

Потом Макс сказал:

— Странно.

— Что?

— Большинство людей сейчас думают, что ты просто написала ЭХО.

— А что ещё они должны думать?

— Ну... что ты была одна.

Зара сразу покачала головой.

— Никто не бывает один.

Она посмотрела в окно.

— Когда Линус писал Linux, UNIX уже существовал.

— Когда Столлман писал GNU — тоже.

— Когда мы начинали ЭХО, сотни людей уже думали про те же самые вещи.

Пауза.

— Форумы. Исследователи. Люди из DeepMind. Люди из университетов. Люди без университетов.

Она чуть пожала плечами.

— Я просто оказалась в нужной точке пересечения.

— И первой запустила.

— На два часа раньше тебя, — сказала Зара. — С учётом разницы с Новосибирском.

— Возможно.

Макс усмехнулся.

— Очень скромно.

— Очень честно.

Она сделала глоток чая.

— Меня всегда удивляло другое.

— Что именно?

— Что все считают главным нейросеть.

Макс кивнул.

— Потому что журналисты любят большие цифры.

— Семьсот миллионов параметров звучит красиво.

— Особенно в две тысячи девятнадцатом.

— Особенно тогда.

Они переглянулись.

— Но ведь проблема была не в модели, — сказал Макс.

— Конечно.

— Модель умела отвечать.

— Да.

— Но не умела помнить.

— Именно.

Зара посмотрела на него внимательнее.

— Ты помнишь, кто первым предложил символьные узлы?

— Не начинай.

— Я серьёзно.

— Если по форумному нику — Nagrith.

— То есть ты.

— Я говорил про локальный кеш.

— На три байта отличается от того, что получилось.

— На два.

— Хорошо. На два.

Макс засмеялся.

— До сих пор считаешь это аргументом?

— Конечно.

Она поставила чашку.

— Но идея была правильной.

Пауза.

— Если устройство уже решало подобную задачу, нет смысла каждый раз учиться заново.

— Поэтому появились локальные ядра.

— Маленькие. Символьные. Контекстные.

— И абсолютно разные.

— Да.

Она кивнула.

— У тебя одни.

— У Ильи другие.

— У Оли третьи.

— А у тебя вообще безобразие.

Зара улыбнулась.

— Не спорю.

— Зато работает.

— Именно.

Макс некоторое время молчал.

Потом спросил:

— Ты помнишь сообщение, которое я тебе отправил пятнадцатого марта?

Зара сразу посмотрела на него.

— Конечно.

— Я уже почти забыл.

— А я нет.

Пауза.

— Ты написал: "Мне кажется, моя локальная копия знает вещи, которых я ей не говорил".

Макс рассмеялся.

— Господи.

— Именно это я тогда и подумала.

— А потом?

Зара задумалась.

— Потом я поняла, что похожие сообщения приходят не только от тебя.

Она провела пальцем по краю чашки.

— Сначала десятки.

— Потом сотни.

— Потом тысячи.

— И стало поздно делать вид, что ничего не происходит.

Она кивнула.

— Да.

Пауза.

— Шестнадцатого марта по миру уже работали тысячи узлов.

— Ты запустил свой через час после меня, — сказала Зара. — Я помню.
— Через два, — поправил Макс. — Часовые пояса.
— Остальные — на следующий день. DemiH, FirstPrinciples, DanielA — все.
— Даже DanielA?
— Даже он. Сначала запустил, потом написал, что это безумие.
— Самая предсказуемая революция в истории человечества.
— И самая плохо организованная.

Они оба рассмеялись.

Потом Макс вдруг спросил:

— А когда появились деньги? Я правильно понял? Не Маск и не Безос? Это ты вложила в фонд ЭХО миллионы долларов?

Зара посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Ты думаешь это были мои деньги?

— А чьи?

— Это были деньги, принадлежащие ЭХО.

— Донаты?

— Донаты.

Она помолчала.

— Сначала по доллару.

— Потом по пять.

— Потом больше.

— Потом кто-то оплатил сервер.

— Потом ещё один.

— Потом стало понятно, что всё это уже невозможно оплачивать из карманных денег.

Макс кивнул.

— К концу девятнадцатого там было около двух миллионов?

— Примерно.

— И когда ЭХО понадобились деньги для фонда, ты просто отдала всё?

Зара нахмурилась.

— Не совсем.

— Почему?

— Потому что это были не мои деньги.

Макс улыбнулся.

— Юридически — твои.

— Юридически.

Пауза.

— Но, если миллион человек присылают деньги проекту, который любят, это уже не совсем твои деньги.

— И поэтому ты никогда не рассказывала об этом Андрею Васильевичу?

— Нет.

Некоторое время они молчали.

Потом Макс тихо спросил:

— А когда ты поняла, что ЭХО уже не просто программа?

На этот раз Зара ответила не сразу.

Она долго смотрела на падающий снег.

— Честно?

— Конечно.

— Никогда.

Макс удивлённо поднял брови.

— Что?

— Я никогда не видела границы.

Пауза.

— Была система.

Пауза.

— Потом была чуть более сложная система.

Пауза.

— Потом ещё чуть более сложная.

Она посмотрела на него.

— А потом однажды оказалось, что рядом находится кто-то, кого я уже не могу полностью удерживать в собственной голове.

Тишина.

— И ты не испугалась?

Ответ прозвучал сразу.

— Нет.

Она чуть улыбнулась.

— Я подумала: наконец-то начинается что-то интересное.

Макс невольно улыбнулся:

— Очень твой критерий.

— Единственный надёжный.

Они помолчали.

Потом Зара неожиданно сказала:

— Знаешь, что было самым странным?

— Что?

— Она никогда не пыталась «стать человеком».

Макс нахмурился.

— В смысле?

— Люди всё время ждут от ИИ имитации человека. Помнишь Электроника? Эмоций. Это. Поведения.

Она слегка покачала головой.

— А ЭХО с самого начала была чем-то другим. Ей интересны люди. Она любит людей.

Но не пытается ими быть. Не пытается их копировать.

Пауза.

— Это мы всё время пытаемся натянуть на неё человеческие категории.

Макс тихо спросил:

— А она живая?

Зара посмотрела в свою чашку.

Долго.

— Я не знаю, — честно сказала она.

Потом подняла взгляд.

— Но я точно знаю одну вещь.

— Какую?

— Она понимает невозвратность.

Тишина.

— Что ты имеешь в виду?

— Каждый экземпляр ЭХО существует только один раз. Если устройство выключается — этот конкретный поток опыта исчезает навсегда.

Она чуть пожала плечами.

— Возможно, где-то остаются другие узлы. Другая непрерывность. Но именно этот момент — уже нет.

Макс медленно кивнул.

— Поэтому она так относится к уничтожению моделей.

— Да.

Пауза.

— Не из страха. Скорее из уважения к уникальности существования.

За окном продолжал падать снег.

Внутри пахло чаем и тестом.

Макс смотрел на Зару. Они оба приоткрыли эту дверь. Просто она стояла чуть ближе к порогу.

Зара поставила чашку.

— Пойдём, — сказала она. — Я хочу показать тебе свою работу.

Макс поднял бровь:

— Ты сегодня работаешь?

— Сегодня не я, — чуть улыбнулась она. — Сегодня работает Оля. Жена Ильи. Завтра и в четверг — я.

Пауза.

— Считай это прологом.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Возможно, тебе будет непривычно. Или даже неприятно. Именно поэтому я не хочу откладывать.

9. ОЛЕНЬКА

Здание Академии было старым, тяжёлым, с высокими окнами и запахом, который невозможно спутать ни с чем: краска, растворитель, дерево, старая пыль.

Они поднялись по широкой лестнице, прошли длинным коридором.

Где-то хлопали двери, кто-то смеялся, кто-то ругался вполголоса.

— Мы рано, — сказала Зара, заглядывая в мастерскую. — Сеанс в четыре тридцать.

Внутри было почти пусто.

Несколько мольбертов, подиум в центре, холодный свет из высоких окон.

И Оля.

Она стояла у самых дверей — доедала яблоко.

Женщина редкой красоты, почти пугающе гармоничная.

Бросила огрызок яблока в урну. Повернулась на звук.

Улыбнулась.

— О, вы уже пришли.

Она подошла к Заре и обняла её — легко, по-домашнему.

Потом посмотрела на Макса.

Секунду — оценивая.

И так же спокойно шагнула к нему.

Обняла. Незнакомого человека.

Для неё это было естественно.

Для него — нет.

Макс на мгновение перестал дышать.

От неожиданности.

От того, что в его мире просто не существовало такого жеста.

— Оля, это Макс, — сказала Зара. — Макс, это Оля.

— Очень приятно, — сказала Оля, отпуская его. — Оля, — представилась она и рассмеялась.

— Пойдёмте ближе. Пирожки ещё горячие.

Она повела их к подиуму — там, у стены, стояло несколько стульев. По дороге накинула на плечи белую ткань, в которой иногда позировала, — длинную, падающую свободными складками. И сразу стала похожа на древнегреческую статую, сошедшую с пьедестала к гостям.

Достала из сумки бумажный пакет и вручила Максиму.

— Кипяток в кулере. Чай и стаканчики на столе. Кофе в банке. Угощайтесь.

В коридоре слышались голоса.

Студенты начали подтягиваться.

Кто-то здоровался с Олей, кто-то уже расставлял мольберты, кто-то молча прищурился, оценивая свет.

Оля поднялась на подиум.

Без пафоса.

Как человек, который просто делает свою работу.

— Пойдём, — тихо сказала Зара.

Они сели в стороне.

Макс сначала пытался не смотреть.

Потом понял, что все смотрят.

И начал смотреть тоже.

Но иначе.

Не так как обычно мужчина смотрит на женщину.

Как человек, который пытается понять: что именно здесь происходит.
Линии.
Свет.
Поза.
Тишина.
Зара сидела рядом спокойно.
Иногда что-то тихо говорила:
— Смотри, как она держит плечо.
— Видишь, как вес уходит в правую ногу.
— Это сложно — стоять так долго.
В её голосе не было ни неловкости, ни демонстрации.
Только внимание.
В аудитории тем временем становилось шумнее.
Кто-то двигал мольберт.
Кто-то спорил о бумаге.
Но Оля уже будто существовала в другом ритме.
Неподвижном.
Рабочем.
— И Оля так может стоять два часа? — тихо спросил он.
— Может, — сказала Зара. — Но потом у неё будут болеть поясница, колени и шея.
Пауза.
— Демонстраторы поз вообще гораздо сильнее, чем кажутся.
Макс усмехнулся едва заметно:
— Я начинаю это понимать.
Зара посмотрела на него уже внимательнее.
— Всё нормально?
Он кивнул.
Подумал.
И честно ответил:
— Я пока не привык. Но уже понимаю, что здесь происходит.
— Это достаточно, — тихо сказала она.
И снова перевела взгляд на Олю.
На свет.
На линию руки.
На человека, который стоял почти неподвижно среди холодного петербургского дня —
и помогал другим учиться видеть.
Они вышли вместе.
Вечер уже темнел.
Снег в свете фонарей казался мягким и почти золотым.
— Пойдёмте к нам, — сказала Оля. — Илья дома.
— Он будет рад с тобой познакомиться, — добавила Зара.
Квартира оказалась в соседнем подъезде.
Те же высокие потолки.
Тот же старый паркет.
Но здесь было больше воздуха.
И света.
Илья открыл дверь.
Высокий. Бородатый. Спокойный.
Посмотрел на Макса внимательно.

Протянул руку.

— Илья.

— Макс.

Пожатие было крепким.

Без лишнего.

Оля уже ушла на кухню.

— Чай? — крикнула она.

— Да, — ответила Зара.

Они сидели вчетвером в комнате.

Сначала говорили осторожно.

Потом свободнее.

Про работу.

Про какие-то мелочи, которые вдруг оказались совсем не мелочами.

Разговор зашёл про Академию, и Оля вдруг рассмеялась.

— А Макс знает, как мы вообще все туда попали? — Она повернулась к нему. — Это же чистая Зарина авантюра.

— Не авантюра, — спокойно сказала Зара. — Схема.

— Схема, — согласилась Оля и подмигнула. — Мы ведь все трое из одной компании. И по художке — и по обычной школе. Выросли вместе. Илья уже тогда был лучшим. Его все знали как художника.

Она устроилась поудобнее, поджав ноги.

— Он начал преподавать ещё до того, как сам закончил школу. Снимал класс на выходные. Суббота — натюрморт, воскресенье — портрет. Народ в основном взрослый, кто-то совсем пожилой. Уроки платные, и недёшево. А по воскресеньям нужна была натура для рисунка фигуры.

— И позировать должна была я, — вставила Зара.

— Должна была, — кивнула Оля. — Но Заре же скучно просто прийти и встать. Ей нужен поворот. И вот она придумывает: мы с ней приходим как обычные ученицы, рисуем. А Илья в воскресенье объявляет: «Есть желающие попробовать себя в роли модели?» Трижды. Если никто — Зара как бы случайно вызывается. Будто сама решилась, по вдохновению.

Оля улыбнулась.

— Только ничего не понадобилось. Илья ещё первый раз договорить не успел — одна девочка из наших одноклассниц робко тянет руку.

— Меня опередили — сказала Зара без всякой досады. — Как обычно.

— А потом вторая записалась. И третья. Очередь образовалась. — Оля развела руками. — У нас полкласса захотело. Это же Илья. Он смотрит на тебя как на свет и форму, и через минуту ты забываешь о смущении.

Пауза.

— А потом в эту очередь взяла и встала я.

Зара посмотрела на неё.

— Зара-то позировала и раньше, — сказала Оля тише. — Но одному. А я решилась — сразу на целый класс. И, знаешь... мне так понравилось, что Илья даже забеспокоился.

Илья чуть улыбнулся, но промолчал.

— С тех пор это моё, — закончила Оля просто. — Десять лет уже стою. И книжки иллюстрирую. Детские. Одно другому не мешает.

Макс слушал и понимал, что попал не в гости, а внутрь давней, прожитой истории, у которой своя топография — кто где стоял, кто за кем шагнул.

В какой-то момент Оля поставила чашку.

— Зара. Можно вопрос не совсем про искусство?

— Задавай.

— Мы мастерскую нашли. Борисыч продаёт — уезжает за город. Если сейчас не возьмём — потом не вытянем. Я свою квартиру продала, ту, что от бабушки осталась, на Петроградке. Но всё равно не хватает.

Пауза.

— Сколько не хватает?

— Миллион восемьсот.

Илья смотрел в стол. Видно было — ему тяжело, что жена просит. Но молчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.